

Последующие несколько дней тянулись на удивление мирно. Никаких происшествий: никто из одноклассников не заявлял о пропаже вещей, а учителя не устраивали внезапных обысков с досмотром рюкзаков. Мао Сяочуань наконец-то вздохнул с облегчением — от сердца отлегло.

Погода стремительно портилась, наступали холода. Ученикам, помимо душных классов и тесных комнат общежития, открылся новый спасительный маршрут — школьная душевая. Правда, сразу после окончания вечерней самоподготовки там неизменно яблоку негде было упасть.

Хотя на каждом этаже общежития имелись свои душевые кабины, натиск толпы они сдерживали плохо, да и время работы было строго ограничено. Мао Сяочуань терпеть не мог тесниться среди кучи парней. Делить один разбрызгиватель на троих-четверых — то еще удовольствие. Поэтому он пошел на хитрость и решил пробираться туда пораньше.

Скорчив страдальческую мину и согнувшись в три погибели, он соврал старосте Ли Сяовэю, что у него прихватило живот, отпросился и пулей полетел в общежитие. В этот час в душевой царила блаженная тишина. Кроме него — ни единой души.

Быстро скинув одежду и заперев ее в шкафчике, Сяочуань подхватил корзинку с мыльными принадлежностями и шагнул в кабинку. Стоило включить воду, как приятные теплые струи омыли лицо, побежали по худым плечам, упругим ягодицам и заскользили ниже по изящным изгибам тела, с шумом стекая на кафельный пол. Он блаженно зажмурился и шумно выдохнул.

При росте около метра семидесяти пяти Мао Сяочуань отличался на редкость хрупким телосложением и бледной, почти фарфоровой кожей. Со спины его запросто можно было принять за девчонку. И это была еще одна весомая причина, почему он ненавидел мыться в общей толпе.

Каково это — торчать среди кучи возбужденных подростков, вечно отпускающих сальные шуточки и готовых пустить в ход свои «стволы» по любому поводу? На их фоне Сяочуань выглядел слишком нетипично. К тому же он отличался легкой брезгливостью: любое случайное прикосновение в душе вызывало у него стойкое отвращение. Пока помоешься — растеряешь все нервные клетки.

Зато сейчас — лафа. Он один во всей душевой. Хочешь — голышом танцуй, никто слова не скажет. Сяочуань весело замурлыкал под нос какую-то песенку, выдавил на ладонь приличную горсть шампуня и принялся рьяно намыливать голову. Вскоре его макушка скрылась под пышной шапкой белой пены.

— Мою-мою голову, тру ее до скрипа! Правой ручкой мыльце взял, левой тру мочалкой...

Сяочуань намывал макушку, забавно виляя бедрами и дурачась вовсю.

Настроение было просто прекрасным, но длилась эта идиллия недолго. Раздался отчетливый

плеск шагов по мокрому полу. Сяочуань смахнул пену с лица и сквозь узкую щелочку прищуренных глаз разглядел высокий мужской силуэт. Незнакомец вошел в душевую и остановился совсем близко.

Сяочуань недовольно поморщился, но значения этому не предал. К счастью, парень вскоре ушел. Услышав шлепанье мокрых ног по кафелю в сторону выхода, Мао Сяочуань снова повеселел.

Он выпрямился, подставил голову под струю, но от резкого напора вода с мыльной пеной затекла прямо в глаза. Жжение было невыносимым.

Одной рукой упираясь в стену, он вслепую потянулся к полочке, надеясь нащупать полотенце. Но вместо мягкой махровой ткани пальцы наткнулись на что-то холодное и твердое, с металлической цепочкой.

Сердце Мао Сяочуаня испуганно екнуло. Он торопливо протер глаза и, сквозь слезы разглядев находку, замер. На полке лежали мужские швейцарские часы лимитированной серии — неброские, но безумно дорогие.

Семья Сяочуаня жила скромно, но в ценных вещах он разбирался отлично. Хватило одного взгляда и легкого касания, чтобы понять: перед ним оригинал, а не дешевая подделка.

Глядя на хронограф, Сяочуань почувствовал, как бешено заколотилось сердце. Он тут же принялся себя успокаивать. Какая же это кража? Он просто нашел чужую вещь и не стал ее возвращать, только и всего! Сам виноват, зачем быть таким разиней? Притащить в душ дорожные часы — это же надо так выпендриться! Таких дураков только учить, пусть помучается без игрушки.

Убедив себя в собственной правоте, Сяочуань решил прибрать часы к рукам. Он быстро схватил их, намереваясь припрятать на самом дне своей корзинки.

Но не успел он даже засунуть их под мочалку, как в спину на полной скорости влетело что-то твердое и горячее. Удар был такой силы, что Сяочуань с глухим стуком впечатался лицом в мокрую кафельную стену, а остатки пены с головы снова залепили глаза.

— Мать твою! Кто там еще?! Жить надоело?! — взвыл Сяочуань, вслепую пытаясь протереть лицо.

В ответ — гробовая тишина.

Разъяренный Сяочуань попытался обернуться, чтобы высказать этому придурку все, что о нем думает, но не успел он и глазом моргнуть, как незнакомец навалился сзади. Жесткие ладони намертво прижали его плечи к стене, а крепкое мужское тело вплотную прижалось к его

спине.

Сяочуань окончательно растерялся. Сзади определенно стоял парень, причем на полголовы выше его самого. Даже сквозь тонкий слой воды ощущалось, насколько у того крепкие, каменные мышцы груди.

— Ты... ты чего творишь?! — дрожащим голосом выкрикнул Сяочуань. Накатил липкий страх. Что этому придурку вообще нужно? Хочет подраться или права покачать — так хоть бы слово сказал, а не лез обниматься.

— А ты угадай, — раздался над самым ухом низкий, пропитанный издевкой голос.

У Сяочуаня внутри все похолодело. Неужели это хозяин часов вернулся? Какая же глупость! Надо было дожидаться, пока тот окончательно уйдет, а уже потом воровать. Но как теперь выкрутиться и отвести от себя подозрения?

Пытаясь сообразить, что делать, Сяочуань зажмурился и, уткнувшись лбом в мокрую стену, залепетал:

— Слушай, тут... тут на полке часы лежали. Я не знал, чьи они, вот и решил забрать, чтобы завтра отдать дежурному учителю...

— Не знаю... твои это или нет... хе-хе... — попытался он изобразить невинную овечку.

— Да неужели? И что это за часы?

— Вот они, держи, — Сяочуань дернулся, пытаясь высвободить руку и вытащить припрятанный трофей.

— Завязывай со спектаклем, — незнакомец позади него тихо хмыкнул. — Я прекрасно знаю, что это твоих рук дело.

— Каких... каких еще рук? — Сяочуань почувствовал, как ледяной пот прошибает его тело, несмотря на горячий пар душевой. Губы предательски задрожали. Он до последнего надеялся, что фразу о причастности можно истолковать как-то иначе.

— Хватит прикидываться дураком. Ты отлично понимаешь, о чем я говорю, — в приглушенном голосе парня сквозила откровенная насмешка.

Сяочуань упрямо гнул свою линию, хотя внутри все сжалось от ужаса:

— Да откуда мне знать?! Я тебя вообще впервые вижу! Кто ты такой, откуда вылез, как звать... ай! Ты что творишь?!

Парень, похоже, потерял терпение. Он бесцеремонно ухватил Сяочуаня за подбородок и резко развернул его лицо к себе. В упор уставившись на него потемневшим, тяжелым взглядом, он медленно, чеканя каждое слово, процедил сквозь зубы:

— Мао Сяочуань, если ты еще хоть раз пискнешь, что не знаешь меня, я тебя прямо здесь выебу.

Мао Сяочуань вытаращил глаза так, словно перед ним предстал выходец с того света. Он несколько раз судорожно моргнул и наконец выдавил из себя испуганный, едва слышный шепот:

— Твою мать... Юань Синь?! Это ты?!

Да, именно Юань Синь — первый ученик школы, неприкасаемый гений, вечно парящий где-то на недостижимой высоте, — сейчас стоял за его спиной в общей душевой, пугал, лапал и угрожал расправой. Мао Сяочуань всерьез засомневался в собственной вменяемости. Он всегда думал, что для такого высокомерного сноба, как Юань Синь, он — пустое место. Тот вообще не должен был знать о его существовании! Откуда ему знать, парень он или девчонка, кошка или собака...

Юань Синь чуть наклонился, почти касаясь лицом щеки Сяочуаня. Его мрачный, изучающий взгляд медленно скользнул вниз по шее, очертил линию плеч, лопаток, спустился к пояснице и ушел еще ниже:

— Ну и как ты думаешь, кто с тобой тут возится столько времени?

— Никто... — Мао Сяочуань с трудом сглотнул вязкую слюну, не посмев развить мысль, а про себя яростно выругался.

"Черт бы тебя побрал! Так он все знает! С той самой секунды, как застучал меня тогда... Все это время он просто играл со мной в кошки-мышки!"

— И еще кое-что, — вкрадчивый, заволакивающий шепот Юань Синя опалил ухо Сяочуаня. — Стоимость того телефона уже вполне тянет на уголовную статью. Тебе ведь на прошлой неделе как раз стукнуло восемнадцать... Последствия сам понимаешь?

Мао Сяочуань оцепенел. От этой мысли его пробрало до костей. Ему действительно исполнилось восемнадцать. И если об этом узнают в школе, то о выпускных экзаменах и поступлении в университет можно забыть навсегда. Впереди его ждет лишь позор и тюремный срок.

— Чего ты хочешь? — Сяочуань спросил это совсем тихо, почти без надежды. Он обреченно уставился на стену, по которой непрерывно сбегали горячие капли воды. Зрачки его расширились от отчаяния, тщетно пытаясь зацепиться хоть за что-то в этой внезапно рухнувшей реальности.

Юань Синь наконец убрал руку с его подбородка, но взгляда не отвел. Молчание затянулось, нарушаемое лишь шумом падающей воды, пока наконец парень тяжело, разочарованно не вздохнул:

— Ты когда свои пакости замышляешь, о последствиях вообще не думаешь?

Мао Сяочуань опустил голову. Длинные мокрые ресницы вздрогнули, смахнув капли воды, скользнувшие по бледной щеке прямо к искусанным губам.

— Я не хотел... Просто не могу остановиться, — едва слышно пробормотал он, глядя на свои подрагивающие пальцы.

Он и сам толком не помнил, когда у него появилась эта пагубная привычка и почему его так тянуло к воровству. В детстве его воспитывали дедушка с бабушкой. Они никогда не следили, с кем он шляется на улице, и не наказывали за проступки. Все началось, кажется, в то безумное лето, когда он хвостиком бегал за одним черным от загара, костлявым мальчишкой... В то лето произошло слишком много событий, которые перевернули его жизнь с ног на голову. Но подробности стерлись из памяти, да и возвращаться туда, в самые темные глубины прошлого, ему совсем не хотелось.

— Ты... сдашь меня классному руководителю Лао У? — тихо спросил Сяочуань.

Ответа не последовало.

Сяочуань удивленно обернулся. Позади него никого не было — Юань Синь исчез так же бесшумно, как и появился. А у входа в душевую послышались громкие голоса: толпа голых, распаренных парней с шумом завалилась в помещение.

Наспех ополоснувшись, Мао Сяочуань судорожно побросал мыло и мочалку в корзинку и поспешил к выходу. В раздевалке Юань Синя тоже не оказалось. Все произошедшее казалось диким, нелепым сном.

Сяочуань невольно коснулся ягодицы. Острая вспышка боли подтвердила: все это случилось наяву. Сгорая от стыда и паники, он натянул одежду и сломя голову бросился к общежитию.